

народной песни, записанной П. Н. Рыбниковым. Однако большинство ученых XIX и начала XX века ограничивалось в своих работах о Повести лишь сравнением ее с былинами, народными песнями, духовными стихами, житиями, поучениями к детям, сказками, сочинениями о пьянстве, не относя ни к одному из названных жанров. Чтобы прийти к более или менее правильному заключению о жанровой природе такого сложного и противоречивого памятника, каким является Повесть о Горе-Злочастии, историко-литературного анализа, которым занимались исследователи дореволюционного периода, оказалось недостаточно. Необходим был глубокий стилистический анализ. Пример тонкого анализа стиля Повести о Горе-Злочастии впервые дал В. Ф. Ржиги (58). Путем обстоятельного сопоставления отдельных стилистических элементов Повести с былинной, устной лирической песней, апокрифическими произведениями он пришел к выводу, что нельзя жанровую природу памятника ограничивать каким-либо из названных видов. По его мнению, место Повести лежит между фольклором и книжностью. Первые исследователи, Костомаров и Пыпин, считали ее книжным произведением. Показатели того, что Повесть является не чисто народной, а сочиненной, Костомаров, как романтик, видел уже в ее «философском тоне» и «страстном изложении» (17). Буслаев же в «Исторических очерках русской народной словесности и искусства» (20), приводя наряду с фольклорными много книжных параллелей к Повести (сочинения против пьянства, поучения, слова о женах и т. п.), неожиданно и необоснованно причислил ее к устнопоэтическим произведениям (к духовным стихам). С тех пор в литературе вопроса происходили колебания: одни ученые относили Повесть к книжным произведениям [Н. Марков (34), Полевой (37), Симони (59)]; другие рассматривали ее как фольклорный памятник [Сиповский (39), Архангельский (46), А. Марков (47)]. Лишь В. Ф. Ржиги детальным анализом Повести о Горе-Злочастии доказал правоту первоначальной точки зрения о ее книжном происхождении, ибо не только сущность образов доброго молодца и Горя-Злочастия здесь несомненно сложнее, чем в фольклоре, но и композиция по ряду книжных приемов восходит к житийному жанру. Работа Ржиги положила конец спорам о жанровой природе произведения. После него уже никто из ученых не усомнился в литературном происхождении памятника. Наоборот, при более вдумчивом взгляде на памятник стали обнаруживать книжные черты в памятнике даже там, где фольклорность, казалось, была вне сомнения (71).

Если переломный период XVII века сказался на форме памятника косвенно в широком проникновении в него фольклорных элементов, то в содержании, образах, в идее произведения еще ярче проявилась та двойственность, которая характеризует борьбу старого и нового. Повесть о Горе-Злочастии рисует судьбу молодого человека, принадлежащего, вероятно, к торговой части посада, который был наказан за непослушание родителям Горем-Злочастием и вынужден уйти на «спасенный путь» — в монастырь. Образ молодца представляет собой тип человека нового поколения, который протестует, правда, еще пассивно, против домостроевских догм, воплощенных в родительском благословении и наставлениях. Традиционная точка зрения усматривает в Повести наличие конфликта «отцов и детей», характерного для эпохи XVII века, с победой на стороне «отцов», т. е. старины. На этой общей мысли исследователи сходились до недавнего времени. Однако в частной трактовке памятника вскоре обнаружились разногласия. Если Ф. И. Буслаев (20, 21), И. Е. Забелин (24) и другие видели в основе Повести лишь религиозно-назидательную тенденцию и характеризовали ее (Повесть) как древнерусский идеал смире-